

НАСЛАЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫМ

Новый контекст концерта Александра Дмитриева

Независимая газета. — 2001. — 15 окт. — с. 7

За пультом Александр Дмитриев. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Михаил Жирмунский

С НЕКОТОРЫХ пор представление о самой по себе традиционности стало вызывать только положительные ассоциации с тем, «как это было», и было гораздо лучше, чем есть сейчас. В таком контексте прошел и московский концерт дирижера Александра Дмитриева, второго «главного» в Петербургской филармонии, при которой существует целых два оркестра (первый — оркестр Мравинского, теперь Темирканова). Его концерт в своем посвящении обращался к имени старого ленинградского дирижера Николая Рабиновича. Приятно было прослушать предваряющее мемуарное «слово» Анатолия Агамирова о яркой личности из ушедших лет — о подлинном профессионале еще «той» культуры, обходительном и ироничном человеке, любителе оперетты и создателе целой дирижерской школы, из которой вышло немало нынешних знаменитостей. Да и хорошо знакомое имя его ученика Александра Дмитриева — уже само по себе обещание неажитажной событийности. Казалось бы, еще недавно такие дирижеры, как Мравинский, и были лицом русской дирижерской школы, сегодня же эта роль перешла к поколению «второго» ряда, в котором Дмитриев представляется пусть и не самой громкой, но вполне значимой фигурой. Его прочтения хотя и не сближаются с титанической мощью известных по записям «харизматических» маэстро прошлого, в

полной мере дают возможность насладиться высоким качеством работы с оркестром, высказанными в музыке душевной высотой и человеческим достоинством.

Поэтому в Большой зал консерватории на Дмитриева публика собралась немногочисленная, но воспитанная и более привычная для петербуржца. Аплодисментов между частями не было, прием был теплый, атмосфера сложилась уютная и рафинированная. Исполнялись Пятый «Императорский» концерт Бетховена с Наумом Штаркманом и Четвертая симфония Брамса. Оба сочинения, монументальные и с размахом, у Дмитриева прозвучали в строгом и созерцательном ключе. Дирижер обращается с залом не в манере современных звезд, без их наступательности, ненавязчиво приглашая влиться в поток его размышлений. Его медленные темпы в концерте Бетховена сразу напомнили тот стиль музицирования, который усвоили некоторые великие музыканты к преклонным годам. Это желание отодвинуться от суеты и жить каждым звуком. Пятый концерт был будто подробно пройден шаг за шагом, контрастов между бравурными и сосредоточенно медленными частями почти не было. Дмитриев совершенно убрал «императорскую» патетику и вообще все излишества жизнерадостности, оставил только лирическую сосредоточенность, но не впал в сухость и не утратил вдохновения. Наум Штаркман исполнил сольную партию более отстраненно, в решении явно следуя за дирижером, который со своей стороны не

оказывал на солиста никакого давления и открывал ему свободную дорогу. Но искусство звука у Штаркмана столь высоко, что его достаточно просто слышать, наслаждаясь красотой его рояля. Вызванный играть на бис, Штаркман исполнил начало «Лунной» сонаты, еще раз показав, что не допускает ни одного бессмысленного прикосновения к клавишам.

Если Бетховену все же не хватило цельности, то Брамса Дмитриев продирижировал в гораздо более импровизационной и сконцентрированной манере. Гостем поработав с оркестром Московской филармонии, он сумел добиться выуклого звучания всех групп инструментов и в целом богатой и организованной оркестровой фактуры.

Концептуальный почерк Дмитриева в целом вырисовывается как «честная лирика». Отсутствие высоких ощущений катарсиса компенсируется столь же нематериальным переживанием культурного удовлетворения, наслаждения моральной красотой высокопрофессионального труда. Такого рода удовольствие вряд ли бы захватило светскую публику, но слушателям подготовленным скучно не было. Как немногие теперь консерваторские концерты, это была возможность вспомнить традиционные стандарты музицирования. Их сегодня могут предложить далеко не все даже более прославленные, чем Дмитриев, дирижеры. Его же относительно мало подхваченное паблисити имя зато может гарантировать спокойную обстановку для размышления и присутствие понимающего круга.